

16+

Савелий Кострикин

Убежденный

Савелий Кострикин

Убежденный

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кострикин С. И.

Убежденный / С. И. Кострикин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Размышляя над значимыми историческими, политическими и социокультурными событиями в истории нашей Родины, я прихожу к выводу. что все они объединены одной общей идеей: идеей противостояния "маленького человека" большим жизненным обстоятельствам.

Содержание

Слабо обставлена комната	8
Месячник	10
Планета друзей	13
Я вспоминаю вас	14
Постоянство общелагерной памяти	15
Снова пишу я стих	17
Философские этюды	21
Утренний тост	22
Что говорить о жизни?	23
Предисловие к Сириусу	24
Символ веры	27
Краткое определение Бытия	28
Ключи от времени	29
Свет мира и любви	30
Для чего мы живем?	31
Молитвенный щит	33
Моя готовность к испытаниям	35
Нас ведут небесные поэты	36
Главное в нашей жизни – это вера в Бога	38
Случайности – не случайны	39
Первый метафизический	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Савелий Кострикин

Убежденный

Лагерный полуакrostих

Дыхание осени. Утро в лагере.

Обед, так похожий опять на завтрак.

Меня привлекает поездок магия.

Или «сегодня» еще не «завтра»?

Нет. Ощущаю я вас, практически,

И правомерно, почти собою.

Каждого. Ибо их электричество,

А – речь тем более, есть дорогое

Лекарство от грусти. Мы в лагерь поверили,

Если быть точным – до края столетия.

Об этом писать, вдохновляясь евреями?

Не было грусти! Мы счастье заметили

И, распрощавшись со скукой и горечью,

Дальше продолжили путь. Восхождение,

Годом что началось раньше – продолжилось.

Единолично заряжен идеями,

Об этом я пишу свой акrostих,

Работая над каждым новым словом,

Господствуя, хоть нынче – я затих.

И я хочу сказать, что, безусловно,
Йод тех стараний... Он украсил жизнь,
Давая нам надежду. Это помню,
А мир меж тем, без всяких укоризн,
Шагнул вперед. В пространстве странных комнат
Аэропорт нестиранных вещей.
Витает речь. Куда – то уходили
И мы. Теперь не надобно. Вообще,
Краса искусства совершенна. Миру
Абстракция, увы,
Конечно – не нужна.
Оазисы – мертвы.
Но есть еще – она:
Среда подруг, друзей,
Талант которой – есть
Ажур. Но мы – мудрей.
Наверно, наша честь
Теряется не там,
Имея нас в ввиду,
Не в строчках, по слогам,
А в небе – как звезду,
Как сокровенный дар.

Я помню о друзьях,

Ведь их – Господь мне дал,

Не чувствуя ни страх,

Ни даже точку, которой – грусть

Имя. Я верю в них.

Много прошло с той поры? И пусть!

Им посвящаю стих,

Словом давая понять своим -

Дружба вернется к нам.

«Сказку лесную» мы посетим,

Сказанным, в такт, словам.

Снова мы встанем в наш общий круг,

Круг для своих ребят.

Каждый здесь будет мой лучший друг,

Каждого добр взгляд,

Каждого слово – почти строка.

Строки в одну слились.

Все же, ребята – всем вам пока.

Я продолжаю жизнь.

Слабо обставлена комната

Слабо обставлена комната,

Мебели в ней больше нет.

Солнце, прозрачное золото,

Нам осветило предмет.

Ракурс удачный мы выбрали:

Страшным показан маньяк.

Трогал руками он липкими

Девушку не просто так.

Резал ножами он, саблями,

Свежее мясо людей.

Комната слабо обставлена,

Много в ней бродит теней:

Вот пробежался по мебели

Нами придуманный дух,

С кожей, магически белою.

Сразу – наверно, испуг.

Что нам пугаться фантастики?

Это, должно быть, фантом.

Сделан наш дух был из пластика,

А из коробочек – дом,

Даже маньяк был улыбчивым,
«Здравствуйте!», всем говорил.
Был по фамилии – Рыбчинский.
Звали его – Михаил,

В школе работал учителем,
Свинок морских разводя.
Старым прадедовским кителем
Страшно гордился. Не зря

Богом талант поцелованный,
Нам был дарован в кино.
Это стихи – нет в них логики,
Всё у нас завершено.

Месячник

Уж если и писать, то о прошедшей смене,
Чей разбирая мир, как будто в теореме,
Мы грусть – тоску свою по лагерю отменим.

Не будем плакать мы безмолвно, безнадежно,
Ведь нам была дана прекрасная возможность
Тот ощутить мотив сознанием и кожей,

То ощутить кино и, сняв на киноленту,
Внести в сознание мир, что до предела тонкий,
Но ясен он и прост для каждого ребенка,

Как ясно было то, что лучшего – не будет,
На перекрестке их – желаний наших, судеб,
Которые Господь безвременно осудит,

Как осуждали мы Союзы Проходимцев,
Которые для нас – как двери в психбольницу.
Но мы – сильнее их, и потому – сразимся

С вселенским миром лжи бескрайней, бесконечной.
Но будем мы скучать, хоть знаем – время лечит,
Готовя из всех нас кровавое лишь лечо,

Устроив нам замес безжалостным ковидом.
Теперь мы из окна предпочитаем виды
Не нынешней судьбе, но миру, что разбитый

На век параличом, который нынче – кризис,
И хоть ЦБ РФ читает катехизис,
О том, как Русский мир, от доллара зависим,

У нас цензуры – нет, а Солженицын – гений,
В чью правоту словес мы непременно верим,
Используя тот стиль, что ранее евреем

Был сам изобретен, потомкам в назиданье.
Разрушим Словом мы слабеющее зданье.
Спасибо вам за то, что смену вы создали!

Были дни наши добрыми,

Добрыми до безумства,

Со своими уклонами
В сторону лишь искусства,

И вожатые близкие,
Тоже как будто дети,
Улетевшие птицами
Были. На дне столетий

Лагерь наш не окажется
Кем – то сродни Пророкам,
Даже когда сумятица
Времени не с глаголом,

Но с наличием логики
С нами незримо будет.
Этой ничтожной толики
Наших мышинных судеб

Смерти ось не коснётся,
Как и топор забвения.
С нами великий Бродский,
Все его стихотворения,

То есть, по факту, исповедь,
Все мы теперь – качаемся
Между своими мыслями,
И подгоревшим чайником

Где – то, в каком – то лагере,
На острие отточенном.
«Наше кино» прославили,
В фильмах сниматься хочется!

Планета друзей

Это ведь хорошо, кажется, что отряд
Наш не распался и, делая шаг к победе,
Можно сказать о том, что наш широкий ряд
Вечен, хоть знали мы, что все равно – уедем,

Рано иль поздно. Что ж – было нам здесь удобно
Верить в свою мечту и доброту людей,
Так как сама мечта есть – для других способность
Делать мир лучше и той добротой полней,

Что, как итог пребудет дальше со всеми нами,
В мыслях, кино, судьбе, строчках, вообще – стихах,
То есть – огонь горит. Думаю, временами,
Он осветит наш путь. Нам не идти впотьмах,

Так как мир будет светлым, но, все равно, иначе,
Чем представляли мы, не будет он никогда,
В сумме давая нам не суффиксы, но – задачу,
Ставлящую в тупик иллюзию. Те года

Были даны нам Богом. Что же теперь, ребята,
Нам остается? Что сделать все мы должны?
Грусть? Не пойдет, поскольку, грусть для всех нас чревата
Падением прямо в пропасть без знания глубины

Чувств. Раз такое дело – надо нам всем держаться
Вместе, поскольку сила дружбы такая, что
Мысль о ней согреет сильнее ее абзаца,
С треском ломая стены грусти. Эпохи вдоль

Мы проходили с вами по темноте той пленки,
Что, как итог, сама в нас лишь вселяет твердь
Времени. Дружба тоже – предмет до предела тонкий,
Но я прекрасно знаю – ее не погубит смерть.

Я вспоминаю вас

Я вспоминаю вас: родной отряд,
Моих друзей, и, непременно – лагерь,
В котором наши Души говорят,
Нам посылая в будущее знаки.

Вот так и мы. Однажды, невзначай,
Переплетутся веером эпохи.
А мы сидим, свой выпивая чай.
Нам всем не грустно и не одиноко.

Как можно одиночество вместить
В свой дивный мир, в свое Седьмое чудо?
Порвется, да, связующая нить,
Но мы все не забудем их, покуда

Горит свеча. Горит огнями ночь,
Давая место солнечному утру,
Которое прогнать ее не прочь,
Рассыпав блески ярким перламутром,

В чьих отраженьях будем мы навек
Стоять одним Орлятским полукругом.
Но для чего же создан человек?
Наверное, для дружбы и для друга

Создал его Всевидящий Господь.
Одни – бегут, забыв про все на свете,
Другие же – в стих обратили плоть,
Чтоб попытаться выжить в круговерти,

Что сеет смерть. Поднимем же бокал
За дружбу мы, покуда люди живы
Во всем великолепии зеркал
Святого неба, что проходит мимо

Людских забот, обид, мирского зла,
(Всего того, что так не любит Боже),
За то, чтобы любовь не умерла,
Подраненных ей Душ не растревожив

Своим лучом. Спасибо вам, друзья!
Без вас, наверно, не было бы смены,
Ведь без друзей прожить никак нельзя,
Обманывая старенькое время.

Постоянство общелагерной памяти

Пора бы мне уже вспомнить

О смене. Её отряды

Стояли правильно. Ровно,

Если сказать так можно,

Читая про память ту

В незамутнённом взгляде,

С опорой на красоту.

Но вот в чём, признаться, сложность:

Память – есть инструмент,

Не подконтрольный. Богу

Он подчинится, а

Людям другим – наврядли,

Ибо – не пустота,

но ко всему дороги.

Стоит по ним пройти.

Впрочем – без вариантов,

Нам остаётся. Что ж -

Мы спасены. На диво,

Просто. Должно быть, мы,

В самом – то деле – рядом

С тем постиженьем слов,
Которому все мы милы.
Нам не вернуться. Но, не говоря «увы»,
Мы провожаем лагерь
постмодернистским взглядом
На содержанья суть,
К которой все мы идём.
Спасибо вам! Молодцы!

Друг другу – мы очень рады!
Иную, подчас, поездку,
В лагерь мы также ждём!

Снова пишу я стих

Снова пишу я стих и вспоминаю лагерь:
Вас, педотряд и тех, кто был всегда со мною,
Хоть не вернусь туда, что я прекрасно знаю,
Но и надеюсь, что дверцу мою откроет

В Рай та поездка, что так на судьбе сказалась,
Впрочем – о чем же я? Что мне теперь? Наверно,
Это из жизни есть только одна лишь малость.
Знаю я – вы друзья. Я в вас Душою верю,

Думая о таком ритме, что всех заставит
Взгляд обратить свой на поэзию постмодерна,
Что обругал Союз, не русский, но все ж – лукавый.
Вы же согласны с тем, что это все же – верно?

Да. Я пишу о том, как же мне было классно
В лагере. Отдых тот, был лишь полезным для
того, чтобы каждый из нас
смог бы внести в ту ясность,
Отблеск железа свой
По капле в сосуд огня.

Струйками истечет тоненькая надежда
С целью собраться в
Мыслях, куда мы также играем в жизнь,
Также мы любим. Прежде,
Достигнув не в мастерстве,
В котором нас нет, увы,

Но в постиженьи мира, или – его иллюзий,
Надо нам всем привыкнуть к правилу одному:
«Весело нам. Смешно и ничего не грустно.
Это же в правду все, признаться, нам ни к чему?»

Сейчас, вспоминая о вас,

Я думаю, каждый ребёнок

Считает, что он – не угас,

Поскольку прошёл он «Орлёнок»,

Поскольку – он был в лагерях,

И даже (возможно) – в «Артеке»,
Где грусть и тоску потеряв,
С друзьями он слился навеки.

А я вот на «Наше Кино»

Решил, что отправлюсь.

Однако,

Я думал – всё обречено,

Хоть жизнь и бросала

мне знаки

Своей бесконечной любви

В надежде, что я понимаю,

Чем кончится Божеский мир:

Быть может, что Адом иль Раем,

Но всё ж неизвестно пока,

Поскольку – жизнь несправима,

А смерть наша – слишком близка,

Хоть ходит всё время не мимо,

Но рядышком. Рядом со мной

Сидит на вневременном стуле

И машет косой голубой,

Как снегом в забытом июле

Махала старуха – зима,

Когда – то. В далёкой Сибири,

Наверное, было. Тогда

Об этом уже мы забыли,

Поскольку так много забот

В том лагере, так много целей,

Что время как будто идёт

Назад: от окраины – к центру,

Стремясь воплотиться во мне,

В знакомых, друзьях и вожатых,

Дрожа в потрясающей тьме.

Об этом скажу вам, ребята,

Об этом поведать хочу,

Стихов раздвигая границы,

Замедлив судьбу на чуть – чуть,

Желая бы, чтоб повторилось

Оно, но, однако – нельзя

Мне дважды войти в эту реку.

Отец мне об этом сказал,

Хоть сам он, наверно, не верил,

Не верил, что младший сынок

Окажется, как бы в «Орлёнке».

Добиться я этого смог,

И помню о каждом ребёнке.

Философские этюды

Идея – важней материи. Поскольку же я – поэт,
Можно сказать о том, что, не видя мира,
Рано думать насчет поражений и тех побед,
Которые я прошел. Имея не слово «мимо»,

Но «пропустил», талант кается, видно Богу,
За написанье строчек. То подтверждает миф
О трех собаках, страннике, или – его дороге,
Не логикой постоянства, а лишь безумством рифм,

Отрезанных от желаний, имеющих суть – реальность,
В том понимании, что привыкли мы, говоря
О настоящем дне. Его длань – не нас касалась,
Но завершала строки силою букваря,

Ради которой миру обещана та свобода,
Что искушает. Чувства – есть горький стыд ума,
Не одного такого явственного народа,
Однако – хвала искусству, что нам помогло. Весьма

Много мы смыслов клали в черствые жизни чаши,
Будучи не готовы. Смысл – не наша боль,
То есть – почти понятно: строки уже – не наши,
Не наши, совсем не наши. В сумме, пространства – ноль,

Равен лишь исчисленью, тьмы от седых столетий,
Как исчислялся ныне, забытый, увы, талант,
Который всегда со мною – я его и заметил,
Хоть о поэтах люди почти что не говорят,

Имея в виду, что слово – есть Бытия наречий,
Суть и слепая горечь. Слово – спасенье. Мы
Его не пониманием, но им сердца все же лечим.
Мы на победу в жизни, в целом, обречены.

Утренний тост

За богоизбранный народ,

За веру славную! За Русь,

За соблюдение свобод,

Литературный профсоюз,

За русскую, как Пушкин, речь

И за пришедший постмодерн,

За то, что удалось сберечь,

Очистив Родину от скверн,

За наступление зимы,

За качество любых Творцов,

За то, что счастливы все мы

В пространстве сказанных нам слов

За данностью прошедших лет.

За то, чтоб рухнул СПР!

За то, что здесь цензуры нет

И день наш больше не был сер.

За дружбу, веру и любовь,

Писательство, театр, свет,

За то, что говорим мы вновь,

Что мир им утром был согрет.

Что говорить о жизни?

Что говорить о лете, кроме того, что дождь

Был отражением радуги в мире из многих капель,

Ибо ты сам в дожде, поэтому не поймешь

Прикосновения онога к небу незримой лапой?

Что говорить о саде, в котором прошла вся жизнь,

Будучи не короткой, но только пришедшей в меру

Жизни других людей? Был данный сад – душист,
Вот потому и он в смерть Бытия не верит.

Что говорить о мире, где нет односложных фраз,
Так как сама природа противоречит Богу,
Который распят в ней был? Он лишь один нас спас.
Пройдем же мы до конца предсмертную ту дорогу,

Которая и спасет собрание падших Душ,
Данных Пророкам для того, чтоб они навеки
Держали в руках весь мир, который так неуклюж,
Из – за того, что он придуман был человеком,

В сущности, потому, что силы его – иссякли,
А постоянство – нет, ибо – не суть всем память
Взять, и сыграть ту роль в испорченном здесь спектакле.
Что ж – завершу я стих, нужно мне жизнь оставить.

Предисловие к Сириусу

Пишу, как он
И чувствую. Все так.
Черта времен
И слово. Слово – знак

Того, что впереди -
Уже не ждешь.
Но надобно идти.
Где правда? Ложь?

Ответа нет.
Мир полный. Пустоты
Скупой завет -
Лишь только я и ты,

И в нас двоих
Есть эта тишина,
Как сокровенный стих,
Как мир без дна,

Как заповедь. Христу
Был верен он.
Он перешел черту,
Черту времен,

Где только – свет,
Бездонных свет начал.
Его скелет.
Там жизни той причал.

В той жизни – вечность,
В вечности – мы все.
Бесчеловечно.
Звездной полосе

Слова и мысли
Наши – не нужны.
В них – доли смысла,
Логики. Зажим

Ковида нас сковал.
Но слово есть,
И слово – как овал,
Как Богу лесть,

Как слава тем,
Кто не пришел с войны
Двух мир – систем,
Чьи стоны – не слышны,

Но слышны эти
Отзвуки нам вновь,
На целом свете
Есть одна любовь.

Нам далеко до Сириуса? Нет.
До Сириуса нам, должно быть, близко.
Там каждый есть – писатель и поэт,
Ученый молодой и фигуристка.

Там много звезд? Весь Сириус – звезда,
Весь Сириус – есть звездное единство.
Я буду помнить. Да, через года.
Вот лагерь был. Загадочен, таинствен.

Таинственность – удел для молодых,
А молодость – пора для приключений.
Я еду. Там, где никогда не был,
Себя найду. Мы время это – ценим.

Цена его – известна. Просто так
Путевок нет. Они – не выдаются
Ни за какие деньги. Это – знак
В моей судьбе божественных присутствий,

И вас. Друзья, к которым еду я!
Вы любите Иосифа. Я тоже.
Хочу сказать, ни слова не тая:
Одним вы этим на меня похожи.

Надеюсь – будет счастье. В счастье есть
Мечта моя. В мечте – спасенье. Бога
Я посчитал благодарить за честь
Своей судьбе. Я верен ей до гроба.

Значит – я здесь. Не сплю
Сном мертвеца. Опять,
Строчек вбирая тлю,
Пишу я. О чем писать,

Если – я еду? Там,
Себя я найду. Себя
Я не прочту по слогам
Всеу. Есть Бог. Судьба -

Это не мир. Мы все
Связаны ей. Навек
Сварится тот кисель.
Свой замедляя бег,

Будем счастливы. Но
Я не уснул. Я слаб.
Но не обречено
Это. И мыслей штаб

Силы собирает. Так,
Смены идет отсчет,
Сказочный жизни знак.
О чем мне писать? О чем?

Символ веры

Верю ли я в Христа? О, да – непременно верю,
Особенно же – сейчас, когда загнивает мир,
Выкинув из Души немислимые потери,
Также почти, как физики выкинули эфир.

Чтобы на «ноль» умножить Вселенную,
Надо только
вспышку сверхновой,
Да еще бы один квазар,
Ибо судьба, увы, к нам всем была жестока,
Так что теперь опять вынести тот удар,

Что именуем мы «вторую волной ковида»,
Имея не свойства, но опасности лишь его,
То есть – иные, чем, надеялись, все же, виды,
Так как «ковид» есть вещь – больше чем ничего,

Или – судьба. Поскольку сейчас не хватает знаний
О нашем грешном мире, молятся люди все,
Надеясь попасть на небо, или – в его Израиль,
Что, как итог – так страшно. Думаю, что совсем

Плохо всем нам не будет. С нами Господь. Великий
Дар Его во спасенье каждому в сердце дан,
Чтоб, заглушая боль, страдания, или крики,
В Душах у нас зажегся праведности уран.

Краткое определение Бытия

Пришла же пора мне, опять
О жизни такой написать,
Что нам являет всем Бог,
Из темноты тех дорог

По которым идем
Мы под бескрайним дождем
И не смотря ни на, что,
Не властен над нами черт,

Так – как у Бога займы,
Счастье свое взяли мы,
Чтоб на века обрести,
Покой и порядок в горсти

Дней, что сплетались в века.
Судьба наша – не глубока,
А отражение ее -
Суждений наших йо – йо

Над бесконечным, над,
Тем, что не вариант
Нам еще здесь прожить,
Не разорвавши нить

Смысла. Закончу стих,
Голос ведь мой – затих.
На просторах Сети,
Смерть бы свою найти.

Ключи от времени

Как мы узнаем Бога, и что же вообще узнаем
Если совсем неожиданно, кончим не Веры путь,
Но ту лишь дорогу к Раю, похожему на Израиль,
Как мы на тех похожи, кто с нами был, хоть чуть – чуть?

Что нам года прибавят к иллюзии, что возможно
Судьбу не свою прожить, а жизнью живя других,
Стать, вдруг, самим собой? Ты помоги нам, Боже,
Закончить писать поэму, то есть – вот этот стих

Жизни, покуда время – бессмысленно. Беспощадно
Скалится Судный День, из – за угла веков,
Переходящих в помощь ушедшему, ибо ради
Какого – то постоянства, не сбросит с нас Бог оков

Принципов, то есть – власти над не своей свободой,
Но постиженьем мира: не важно – словом, умом.
Важно лишь, что Спаситель – царь для всего народа,
А христианство наше – бескрайний, по сути, дом,

В котором уже не сыщешь крови. Еврей иль русский?
Разница здесь такая, что нации – просто нет,
А речи антисемитов – только безумно узкий
Путь по краю обрыва, где поджидает смерть

Духа, поскольку – разум, есть Божий дар для многих
Но – не для всех. Злодею – разум был чертом дан,
Крутится, чтоб постоянно в кипящей воде, потоки
Которой намного хуже чем гибельных слов уран,

Что посылают люди, те, что не верят в Бога
Слова, любви, искусства – музыки для Души,
Так – как фашизм, по факту – Дьявол в челе убогом,
А христианство это – и после смерти – жизнь.

Свет мира и любви

Приходит Бог и зажигает свет,
Приходит свет и зажигает утро,
А мир вокруг – улыбкою согрет,
Как раскаленный от стихов компьютер.

Скорей бы уж, пришедшая зима,
Политиканов пыл охлонила,
Свела бы литераторов с ума,
На постмодерн оставила нам силы.

Не вольны мы погоду выбирать,
И вдохновенье выбирать не вольны,
Но стерпит все любимая тетрадь.
Зачем грустить? Зачем писать о боли?

Бог создал мир для радости людской,
А люди – все испортили своими
Оружием, насилием, войной,
Господствует, что в нашем брэнном мире.

Так поступать мы с вами не должны.
Поэта долг – рассказывать о мире,
Который лишь фантазиями жив,
О счастье, что еще не позабыли,

О светлых днях искусства и труда,
Дающего нам всем плоды земные.
Благодарю тебя, моя судьба,
И Господа, что я рожден в России!

Для чего мы живем?

Если бы не Господь, то наверно пришел бы конец
Миру слов, доброты и стихов, что писались о Боге,
Потому – человек, в этом мире без них – не жилец,
Но псалмы для него – как к бескрайнему Раю дороги.

Помолился Христу, и уже – будто б камень сошел
С той надрывной Души, что когда – то на многое злилась,
Ведь те строки молитв для нее, словно благи шов,
Да священная песнь, Саваоф или – Божия милость,

Так – как сила молитв заключается именно в том,
Что ты словом идешь по своей, кем – то спрятанной жизни,
И рукою порвав гениально написанный том,
Украшаешь собой и эпоху, и даже – Отчизну,

Для которой Господь сделал много, как и для тебя:
Веру славную дал, от врагов, защитивши на веки.
Вот такая у нас, есть, признаться, простая судьба:
Сохранить в ней себя и остаться еще человеком.

«Для чего мы живем?» Нет ответа, пока не умрешь,
Только мира в Душе себе больше уже не желая,
Ибо все, что мы видим, по факту – лишь хитрая ложь,
А где правда? Она, быть должна за воротами Рая.

Только там есть ответ на вопрос «Для чего люди живы?»,
А бессмертие, так – несерьезность по меркам Вселенной.
Небесам не расскажут про нас – затерялись, наверно, архивы,
Но пока – мы живем жизнью нашей, до ужаса брэнной,

Надо знать нам – Господь обязательно людям поможет,
Если мы обратимся к нему за столь важным советом,
Так – как милостив ты и ко всем снисходителен, Боже.
Я хочу завершить этот стих, ибо песенка, думаю – спета.

МОЛИТВЕННЫЙ ЩИТ

Разобраться в той жизни, признаться, сложно:

Что открывает всем нам возможность,

Уйти, не вернувшись и распрощаться

С телом, ну то есть – присущей частью

Материи, хоть и Душа – бессмертна,

Бога, подчас, не зовем в эксперты,

Так – как велик риск простой ошибки,

Кою не знают те люди, шибко

Которые в Бога – не верят? То есть,

Свобода – есть символ, как наша совесть,

Символ надежды на те законы,

Что не давали всем нам покоя,

Звуками цифр и прочих формул,

Хоть математика – и не норма

В мире, где слово – один властитель.

Коль виноваты – тогда спаситесь,

А коли не знаете, как молиться,

Тогда воспарите свободной птицей

(Если получится), прямо в небе,

Где и Гагарин, наверно, не был,

Если под «небом», имеем Рая
Плотность и Духа ковчег бескрайний,
Где обретенный Ты, нами, Боже,
Становишься с каждым веком дороже,

Чем был до этого в Палестине,
Хоть иудеи Тебя простили,
А православные – Символ веры,
На протяжении многих пели,

Лет, не взирая на «буки, веди».
Боже, скажи нам – куда приедем
С багажом тех ненужных знаний,
Которые вещью обычной стали

В мире, где слово – важнее цифры?
Долг же поэта – разрушить мифы
Антисемитского направленья,
В которые люди, о Боже, верят,

Не повинуйся судьбы заветам,
Рядом с Тобою, должно быть, где – то
В мироздании, видно, ложном,
Ждушем, пока Ты свой путь проложишь

К познанию судеб мира.
Постмодернизма играет лира,
Нам возвещая – настало утро,
И раскален уж, стихом компьютер.

Моя готовность к испытаниям

В том числе, и ко многому я готов
Прикоснуться своей, не совсем рукою,
Разрывая мыслью остатки слов,
Предпочесть бессмертие не покою,

Но мещанству, поскольку оно вредит
И сознанию нашему, то есть – жизни,
И другим, что у времени не кредит
Но навеки заем для своей Отчизны

Взяли, когда – то, давным – давно,
Даже еще не успев привыкнуть,
К мысли, что все уж обречено,
Раньше страдания или крика

Ворона над могилой, над
Тем, что являет среди созвездий
Старый, заброшенный кем – то сад,
Где не осталось и строчки песен,

Поскольку они больше не были там -
Эти жильцы, побросавшие память
В сторону времени. Но по слогам,
Я не прочту их. Зачем мне лукавить,

Если, наверное, путь далек
К свету, к явлению мироздания,
Которому не подвластен Бог,
Светом которого мы создали

Наш очень странный но нужный мир
Вместе с поэтами той эпохи,
Когда вместо звонких и светлых лир,
Были слышны лишь одни те вздохи?

Нас ведут небесные поэты

Нас ведут небесные поэты,

Диссиденты Бога и Христа.

Может быть, и встретимся мы где – то,

Только жизнь – то, в общем, не проста.

Мало все ж, прожить ее до гроба,

Нужно в ней нам многого достичь.

Пишут книгу жизни люди, чтобы

Не сковал их Душу паралич.

Он, признаться, спутник постоянства

Светлых дней печали да любви.

Важно нам в минувшем не остаться,
Разбирая странности свои.

Постигая смысл предыдущих,

Кем – то, где – то прожитых годов,

Станем мы счастливее и лучше,

Ведь для нас свой путь уже готов.

Мы его пройдем, покуда живы
В наших Душах отблески добра,
Как на бирже индексов активы,
Хоть нам, впрочем, в сумерках пора,

Разлететься по земному шару,
В поисках призвания на век.
Хорошо, чтоб люди не мешали,
А не то, как сможет человек,

Сам раскрыться, словно перед Богом

На Суде он страшном предстает?
Мы избрали верную дорогу,
Отправляйся с нами, ты в полет!

Кто подскажет верные ответы?

Кто нам сможет с выбором помочь?

Нас ведут небесные поэты,
Скуку жизни изгоняя прочь.

Главное в нашей жизни – это вера в Бога

Вера – для нас есть главное в жизни, покуда мы,
Видим, что добрый Бог, отвечает звонком молитвы
На фразу, такую как «Мы все давно мертвы!»,
Или на «Боже мой! Нас все давно забыли!»,

Как отвечаем мы на письма нам близких, то есть -
Меня свою свободу на счастье уже других
Личностей, надо помнить – свобода – не чья – то совесть,
А лишь для нас доступный но сокровенный стих

Бога, что вариант, не лучший, но все ж – имеет
Право быть у Творца в запасниках. Божий мир,
Выкинул почти все, особенно – иудеев,
Точно, почти как физики, выкинули эфир

В воздух, который – масса не тех земных отчетов
Сложенных ангелками, которые не летят,
Но постоянство жизни, в сущности, той бессчетной,
Что понимаешь лучше, когда тебе шестьдесят

Лет, но наверно только, молодость – есть свобода
От пения «Аллилуйя!» , от жажды «упасть бы ниц!»
Перед своей судьбою, ибо – судьба народа
Есть твое отражение, апофеоз частиц.

Случайности – не случайны

Все в жизни так устроено у нас,
Что нет случайно здесь проговоренных
В остатке дня, забытых кем – то фраз,
А за окном шумят неслышно клены.

И каждый окружающий шумит,
Надеясь до Бессмертья достучаться.
Но жив покуда на Руси пиит,
Ничто ведь в брэнной жизни не случайно,

Как не случайны имя, мать, отец,
И Божий дар – писать стихи о мире,
В котором ты, должно быть, не жилец,
О счастье, что еще не позабыли.

Не позабудут также и тебя,
Но только, если ты – себя покажешь.
Признаться, вот такая вот судьба
У человека. Ведь, наверно, каждый

Желает знать – что будет завтра с ним,
Куда Душа придет во тьме сомнений?

Поэтому, мы вам сказать хотим,
Что любим жизнь и в милость Бога верим.

Первый метафизический

Теперь мы будем говорить,
О смысле жизни,
Порвав невидимую нить,
Как дым душистый,

Как отраженье наших мечт,
Во тьме созвездий.
Нам всем их надобно сберечь,
Страну изъездив,

В попытке изменить себя,
Как судьбы мира,
Талант свой Божеский творя.
Необходимо,

Нам снова разумом восстать,
Найдя ответы,
Которых в старую тетрадь,
Господь наметил,

В числе других подобных тем,
Для обсужденья.
Но миг победы, будет нем.
В него мы верим,

Как верим в Бога и людей,
Людские Души.
Безумство – главный наш злодей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.